

ШРОВИДЕНС™

Алан Мур

Джейсен Берроус

#7

REAL DEAL TEAM

Провиденс

сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕЗ
калиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
странные бульварные чтиво
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

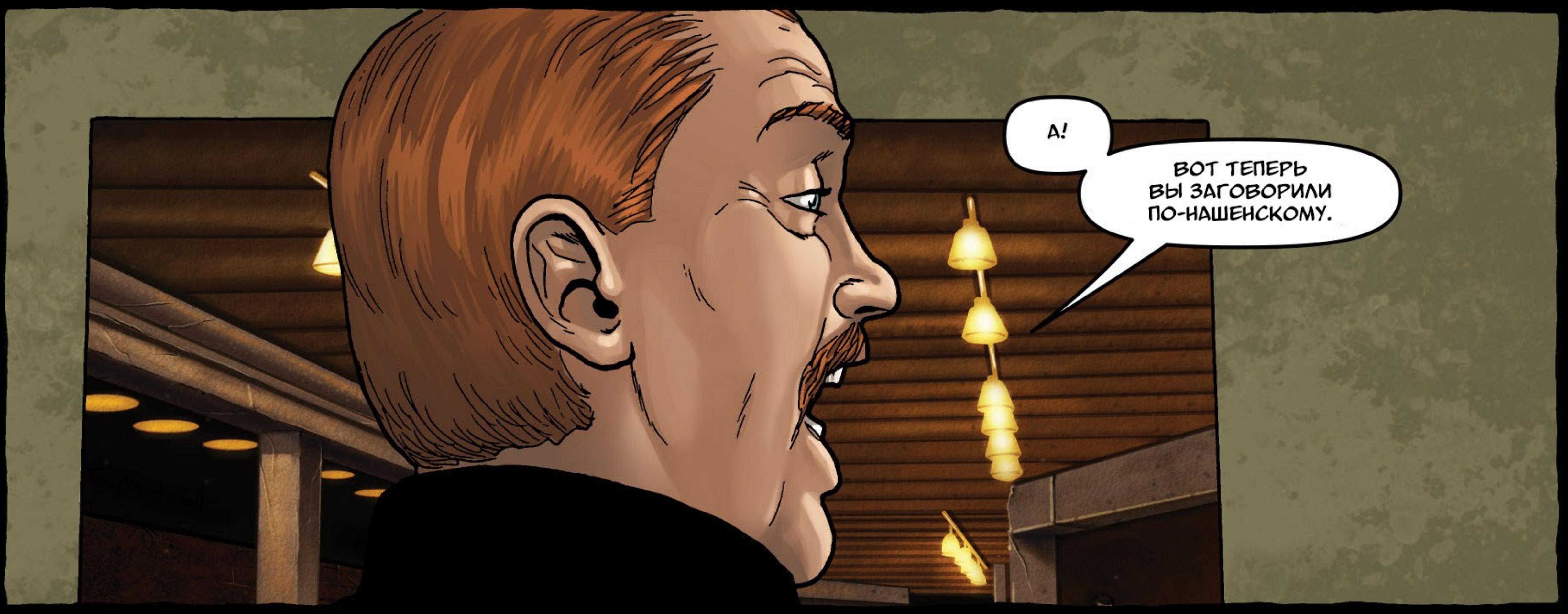
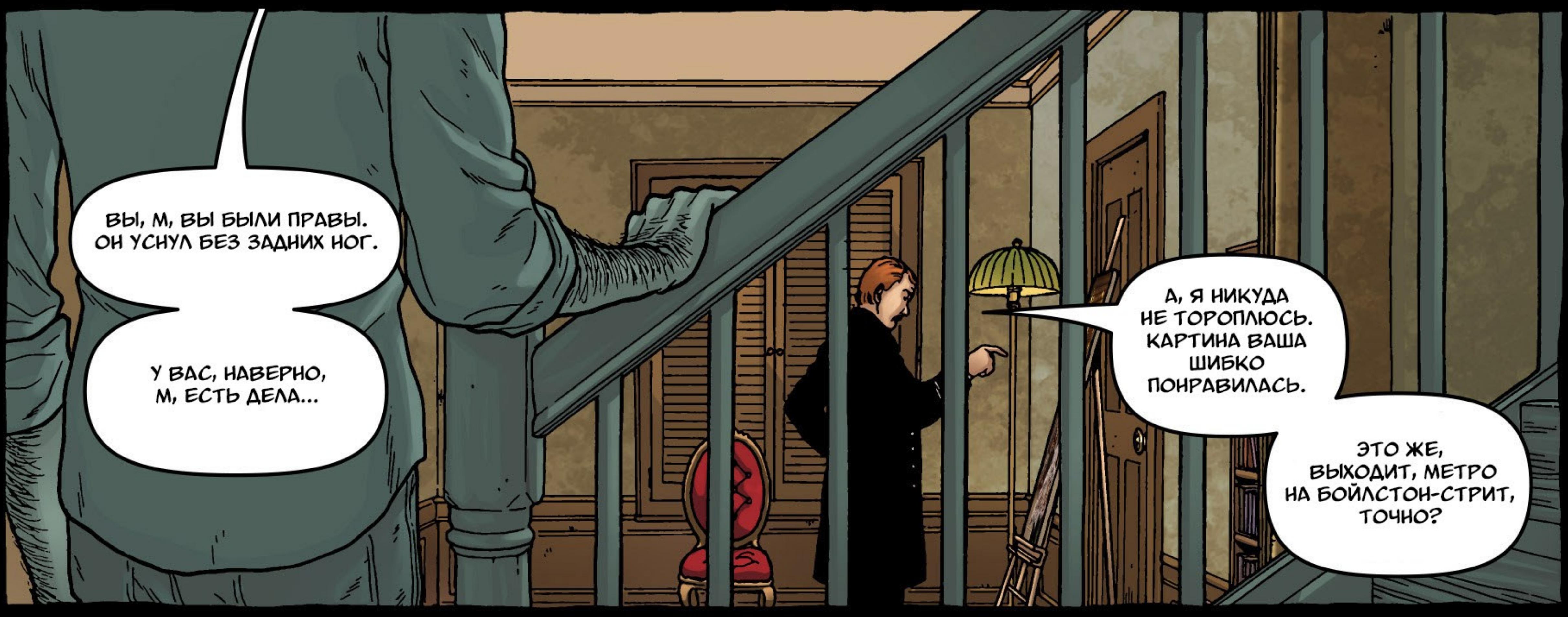

НУ, Э-Э...

ТО ЕСТЬ - ДА.
ДА, М, ДА, ЭТО Я
И ХОЧУ СКАЗАТЬ.

СЛУШАЙТЕ,
ВЫ, М, ВЫ ЧЕРЕЗ МНОГОЕ
ПРОШЛИ. И Я СОЧУВСТВУЮ.
МОЖЕТЕ ОСТАВАТЬСЯ У МЕНЯ,
СКОЛЬКО ПОТРЕБУЕТСЯ.

КАЖЕТСЯ,
Я, М, Я ЗНАЮ,
КТО ВЫ...

Х-ХОТИТЕ СКАЗАТЬ,
Я ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВИЛСЯ?..
О БОЖЕ, ПРОСТИТЕ. М-МЕНЯ
ЗОВУТ РОБЕРТ БЛЭК.

Я ПИСАТЕЛЬ,
РАНЬШЕ РАБОТАЛ
В «ГЕРАЛЬДЕ»
В НЬЮ-ЙОРКЕ. В НОВОЙ
АНГЛИИ Я СОБИРАЮ
МАТЕРИАЛ ДЛЯ КНИГИ
О ДРЕВНИХ ТРАДИЦИЯХ,
ЗАНЕСЕННЫХ
В АМЕРИКУ...

ЭМ-М.

РОНАЛЬД
АНДЕРВУД
ПИТМАН,
А ДРУЗЬЯ, М,
ДРУЗЬЯ ЗОВУТ
МЕНЯ РОННИ.

СЛУШАЙ, ТЫ, М,
ТЫ ПРИВОДИ СЕБЯ
В ПОРЯДОК. А МНЕ ЕЩЕ
НАДО ПОЗАБОТИТЬСЯ
ОБ ОДНОМ ТЕЛЕ,
М, ДЕЛЕ.

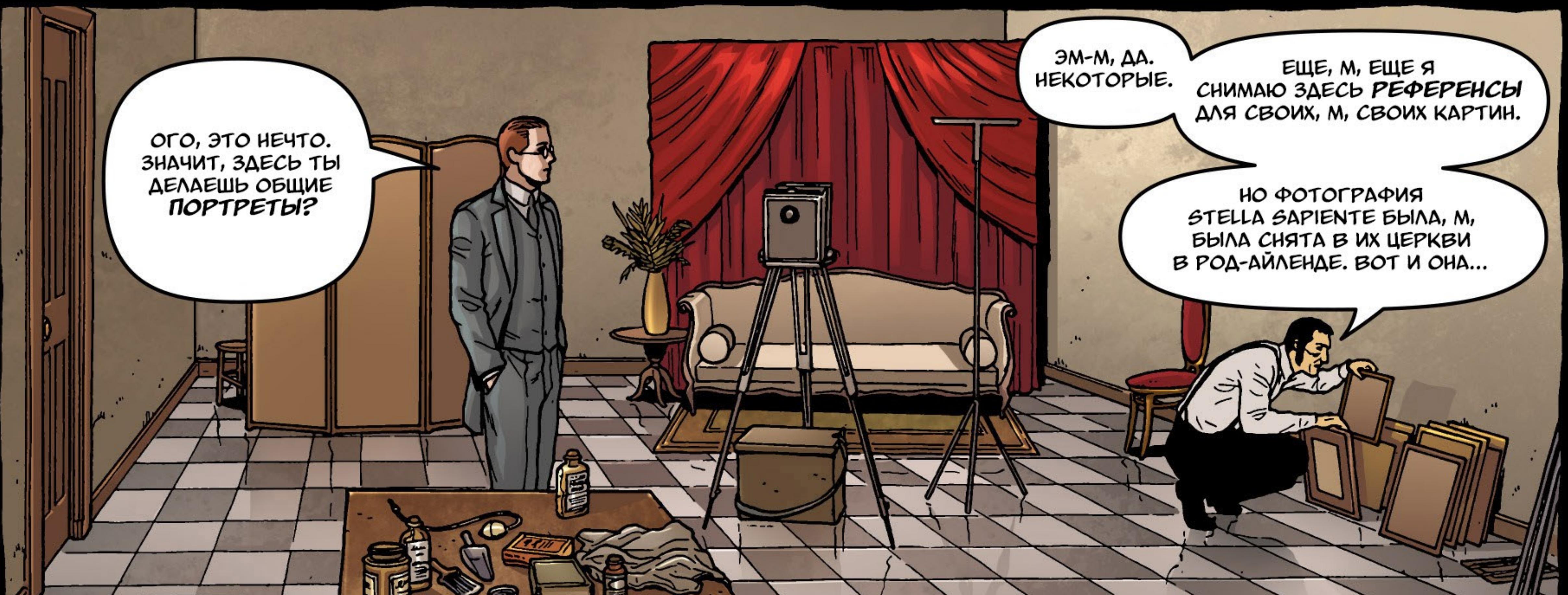
ВОЗМОЖНО,
КОГДА ТЕБЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ,
Я, М, Я СМОГУ ОТВЕТИТЬ
НА НЕКОТОРЫЕ ТВОИ ВОПРОСЫ
И ПОКАЗАТЬ ОКРУГУ.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО.
СПАСИБО ЗА ВСЕ,
РОННИ. ТЫ ПОМОГ МНЕ
ПО-НОВОМУ
ВЗГЛЯНУТЬ НА ВЕЩИ.

«ИЛЛЮЗИЯ».

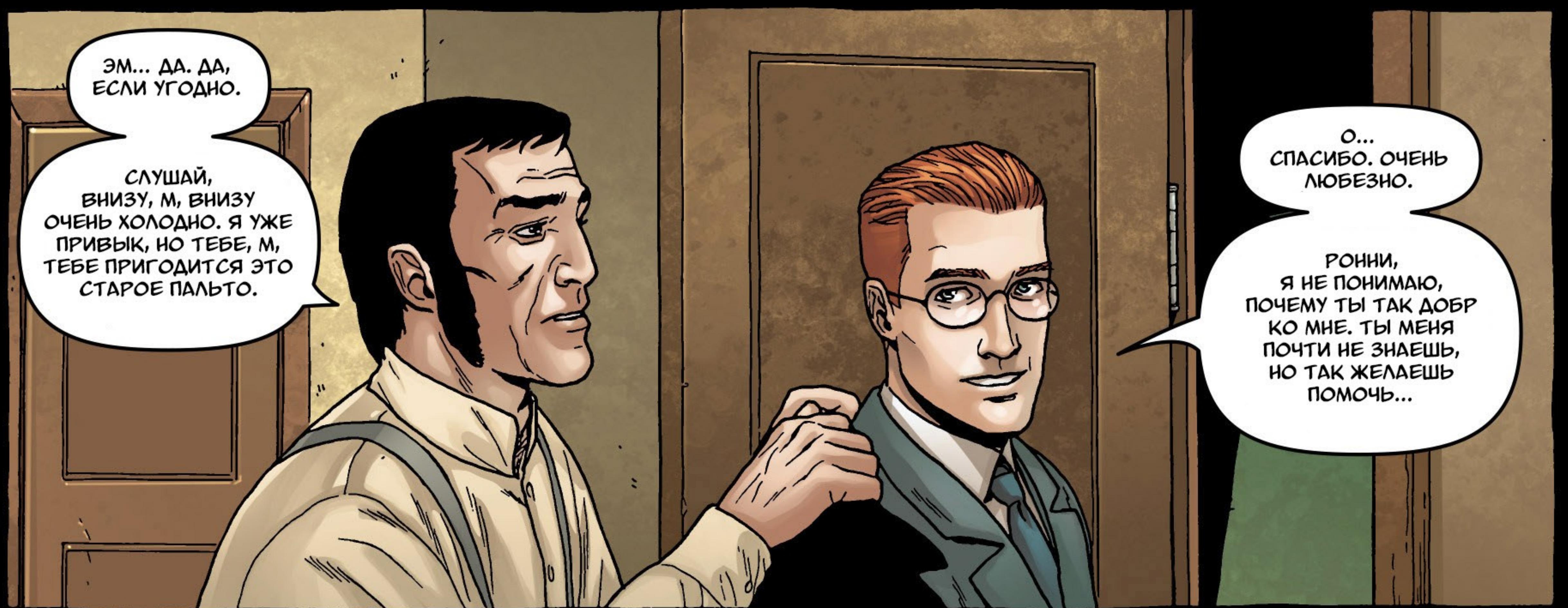
ХМ.

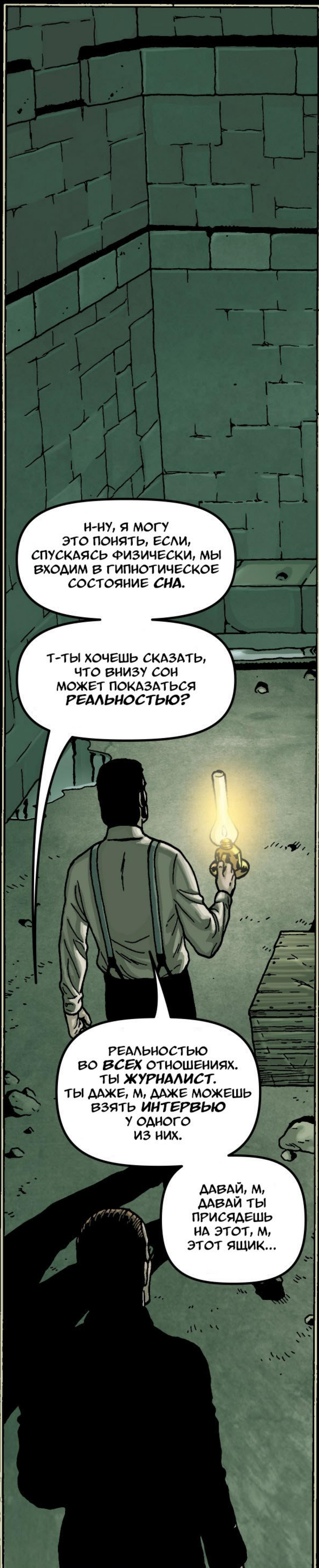

Н-ну, я могу
это понять, если,
спускаясь физически, мы
входим в гипнотическое
состояние сна.

Т-ты хочешь сказать,
что внизу сон
может показаться
реальностью?

реальностью
во всех отношениях.
ты журналист.
ты даже, м, даже можешь
взять интервью
у одного
из них.

Давай, м,
давай ты
присядешь
на этот, м,
этот ящик...

К-как скажешь.
Это и есть вход
в туннели? довольно
б-большой...

Он самый, м.
В большинстве, м,
большинстве подвалов
в Норт-энде есть свой
вход. Хотя обычно
куда меньше.

Если, м, если сядешь
спиной к туннелю,
так, м, так будет
лучше всего.

А я, м,
я пойду и все
подготовлю...

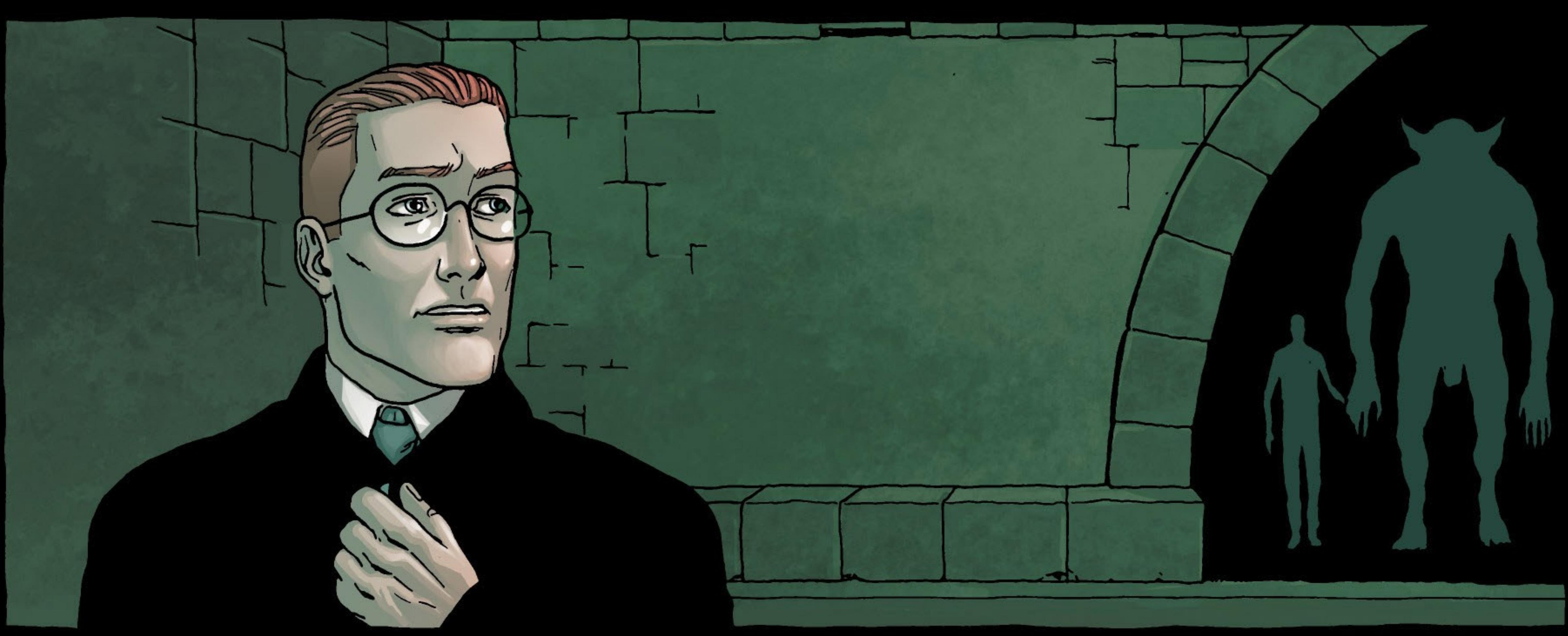
Что,
с-свой сеанс
мессмеризма?

Если, м, если тебе
так угодно это
называть, то, м,
то да.

Прошу, помни,
я не, м, я не пытаюсь
тебя напугать.
Мне просто кажется,
что, м, что у тебя
должен быть
шанс понять.

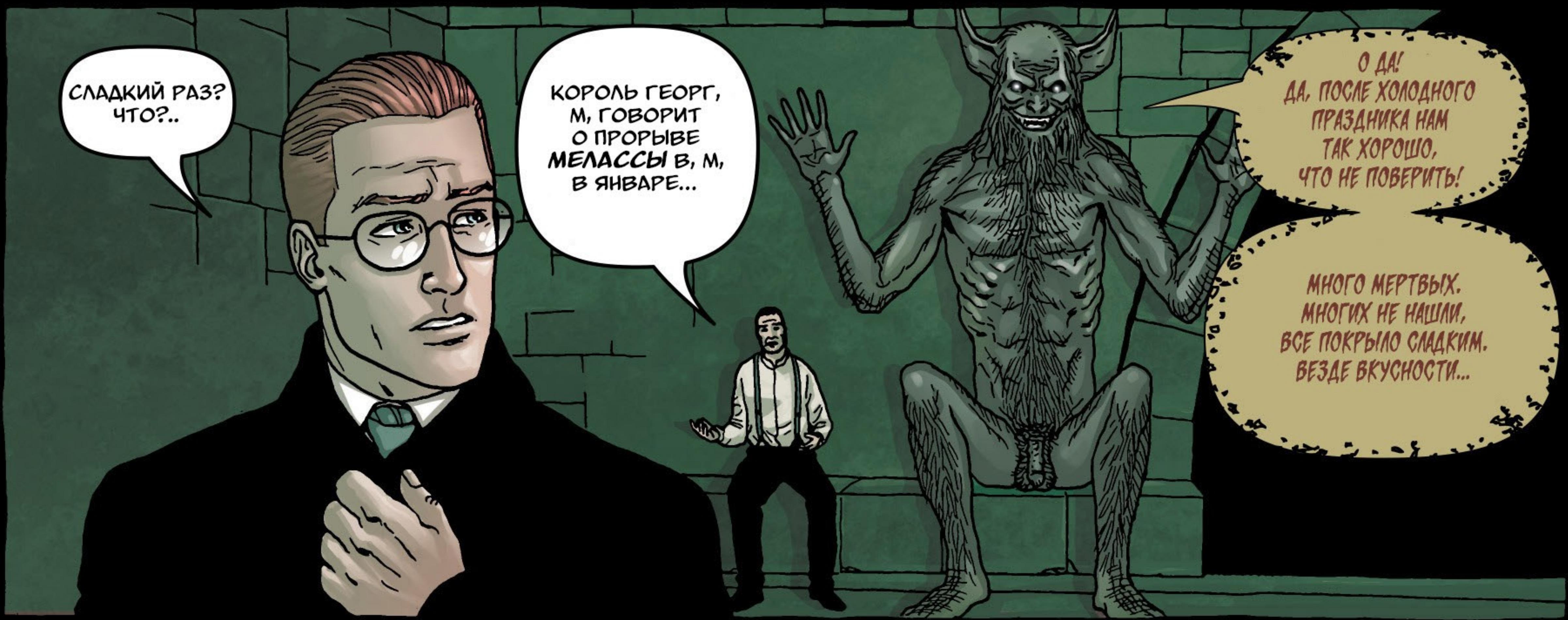
И ни в коем случае,
м, ни в коем случае
не оборачивайся.
Буду через
минуту...

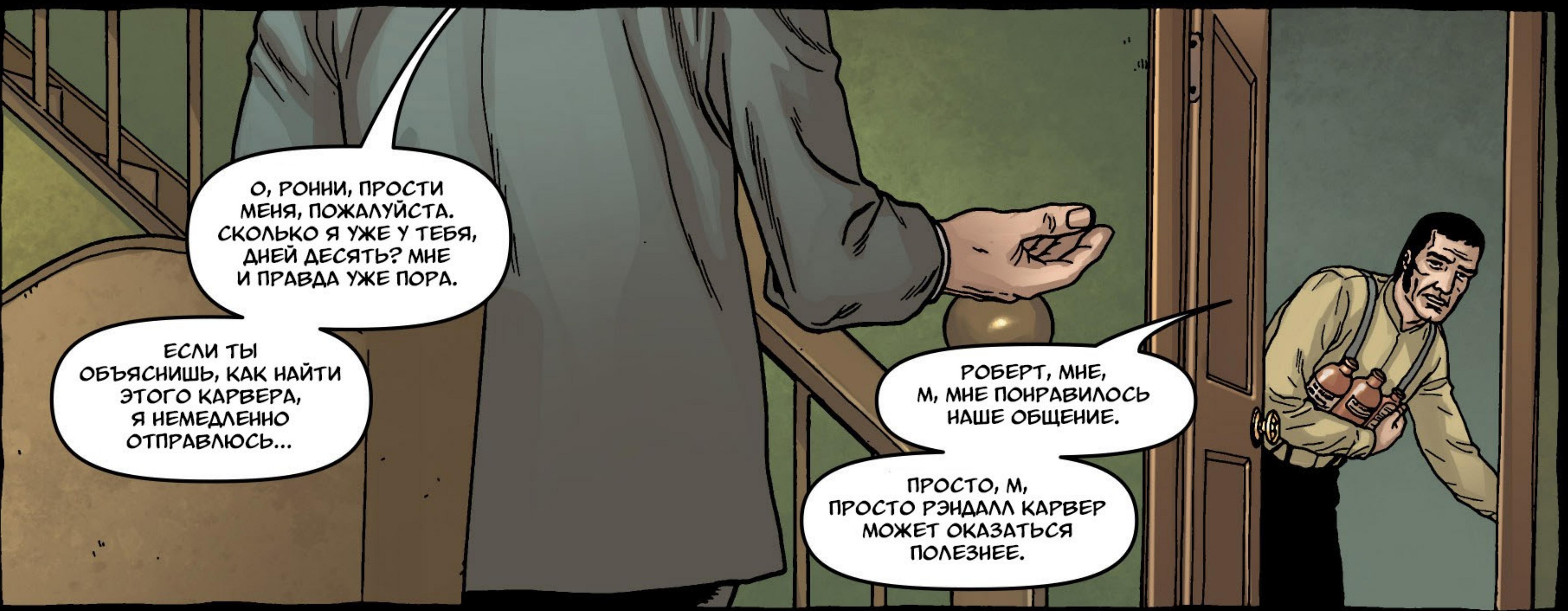

РОННИ, ЭТО... ЭТО ПРОСТО НЕВЕРОЯТНО.
Я С-СЛЫШАЛ О ГИПНОЗЕ, НО ИСПЫТАТЬ ЕГО,
ПРИЧЕМ ПРОСТО ФИЗИЧЕСКИ СПУСТИВШИСЬ...

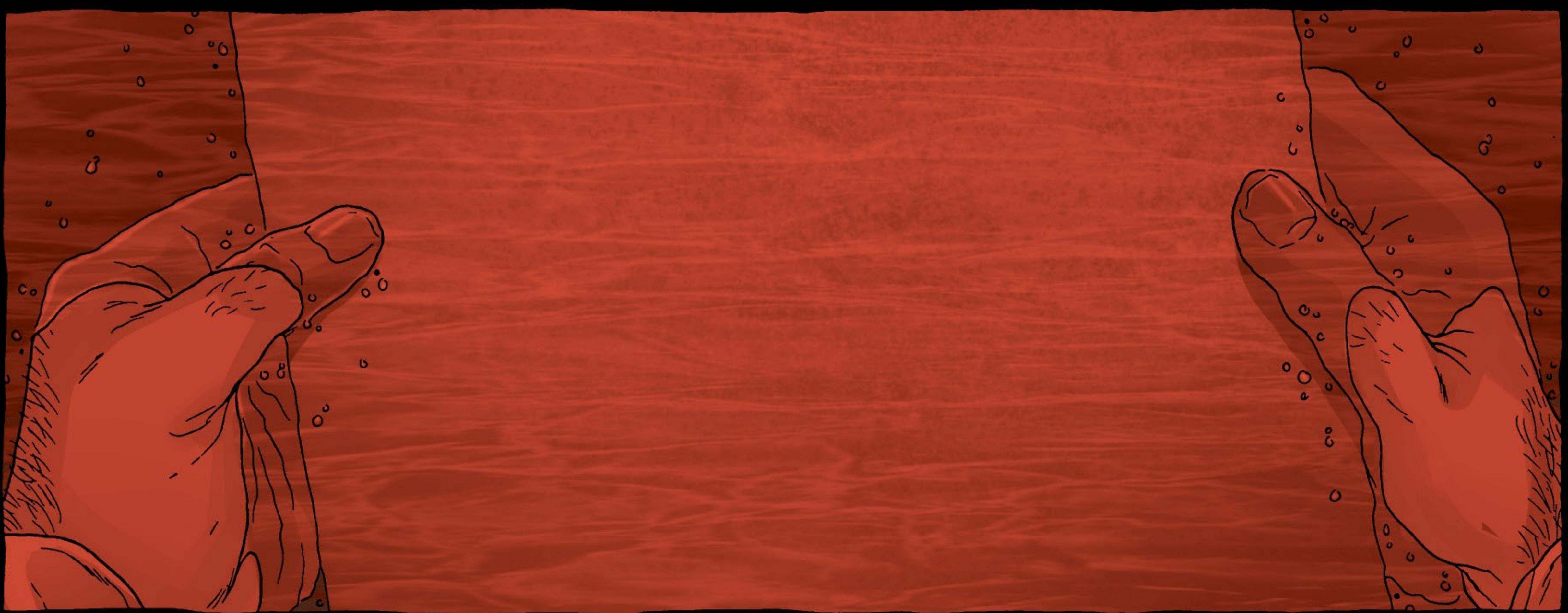
М-МОЖЕТ,
ЭТО СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ
И В ДОМЕ МИСТЕРА СЕЙДАМА,
В БРУКЛИНЕ. МОЖЕТ, В ЕГО
ПОДВАЛЕ Я ТОЖЕ ВОШЕЛ
В МИР СНОВ...

ДА. НАВЕРНОЕ,
М, НАВЕРНОЕ,
В МИР СНОВ.

Я, М, Я НАДЕЮСЬ,
ЧТО ПОМОГ ТЕБЕ
ПОНЯТЬ...

~~19 августа~~

10 сентября

10 сентября

10 сентября

Я в автомобиле. Я сижу на автомобиле. В Бостон. Из Манчестера.
Я

Приснилось мне недавно не одна ночь я видел сюда в машине меня дядя это я надеялся? Прими проклятие
приснился скажите мне я не

Я Родерик Блок. Я не другой человек. Я Родерик Блок. Я
взрослый и я мужчина. Я Родерик Блок. Я мужчина,
который едет в Бостон. Стараясь сбить, 10 сентября. Я
Родерик Блок. Я не такой человек который может

~~██████████~~

11 сентября

Я в Бостоне, в доме на Хенрик-стрит, студии
и-ра Рональда Андервуда Пиммана, где провел ночь.
Вчера была среда, 10 сентября, а сегодня четверг, 11-е.
Это хорошо. Когда я был в Манчестере

~~С самого же утра случилось, когда я был в~~
~~в доме доктора Баллок разрыв, потому что~~
Бесполезно. Меня все еще преследуют приступы
паники и я все еще не понимаю, что случилось со мной,
с моими разумом. Лучше спать, а не писать, пока я
все не осмыслил. О боже.

16 сентября

Сегодня вторник. Я все еще у Ронали Пиммана,
который кажется очень славным человеком, и мне уже
становится лучше после того, как я начал видеть
лонику в том, что произошло, — или кажется, что
произошло, — когда я был в Манчестере. Я все еще не готов
говорить об этом прием и все еще не могу отдать
твёрдый факт от горячей галлюцинации, но
постараюсь, насколько это возможно, привести
внятный пересказ событий, хотя места внятности
тут нет и в помине.

В последний раз я писал на этих страницах
в здравом уме — или, по крайней мере, когда я верил,
что нахожусь в здравом уме, — в библиотеке колледжа
святого Ангела, когда проходился через их издание
«Книги мудрости звезд от Хали», чтобы перенести из нее
как можно больше перед закрытием. После копирования
страниц алфавита и главных пассажей
об Избавителях, Тихих Посланцах и тому подобном
я погуствовал себе нехорошо. Поверить не могу, что это
было уже неделю назад. Так или иначе, я подозвал д-ра
Вентейлса, чтобы он снова запер книгу на ключ
и проводил меня из здания. По пути мы заговорили,
и я постепенно осознал, что он считает, будто отец
Рейс рассказал об мне несколько недель назад, в августе.
Я предбрюмстал, что это было только вчера, но, судя
по брошенной им вскользь репарке с тем, как быстро
летят времена, понял, что минуло него прошел буквально
сиял моих слов.

Вот зна, правда: я умудрился погреться три недели, и это только для того, что служилось со мной в Манчестере. Но пока мне хочется сосредоточиться именно на этой части, прежде чем подойти к другому — чему-то начиного хуже. Как я — как вообще кто угодно может погреться три недели, искренне поверив, что эти прогретели за здрави чисть? Учитывая, что это началось сразу после того, как я закрою эту книгу Хаги, сознательно предположить, будто все, что я пережил — или думал, что пережил, — какое-то сверхъестественное бедствие, возбуждённое здешним только чтением проклятого францита, словно он — материальный эквивалент воздушного (и основного на «Sous le monde») «Короля в желтом» Роберта У. Чамберса. Но, конечно, это невозможно, и обычный здравый смысл журналиста говорит, что я угодил в какую-то мистификацию или разыгрывши, намеренно подстроенный, чтобы изучить меня и заставить сомневаться в собственном рассудке. А что до тех, у кого есть мотив (или средства), я могу только предполагать, что подобными методами Stella Sapiente запугивает всех, кто интересуется тайной историей здена.

Это предположение вполне увязывается с тем, что рассказал об их философии и техниках Ронни Питман, знакомый с зденою благодаря позиции их звериного фотографа. По словам Ронни, если я правильно его понял, у Stella Sapiente есть методы — возможно, подчеркнутые в «Книге Хаги», — как-то менять мечтами пограничье человеческого разума, чтобы подсознательное профессора Юнга — сны — вместо того, чтобы скрываться в глубинах под нашими рациональными повседневными разумами, узурпировали его место в жизни наяву. По крайней мере, что-то в этом роде я слыхал из легенд, которые слыхал Ронни, и из того, что читал в гертовской книге. Полагаю, пассажи с тем, что однажды дневной мир будет погружен миру снов, на самом деле касались волшебписанного процесса, только из-за близких волчурных метафор кажется, что речь идет об всем мире, тогда как на самом деле имеется в виду психологический мир человека.

Что же до способы, которыми здень добивается рокировки сознательного и подсознательного в разуме гертвов, — кажется, Ронни сказал, что этого можно

зодится при помощи наведенного гипнотического транса... по крайней мере, он не стал спорить, когда я это предположил. Мне немного известно о гипнозе, но кажется, вполне возможно подготовить человека, каким-то образом запихив в его сознание некий гипнозапор - скажем, определенное слово, образ или действие, - которые при активации ввергают субъекта в полновластное гипнотическое состояние. Не могу не задаться вопросом, не это ли в точности случилось со мной, хотя до сих пор не понимаю, как это привело к потере трех недель или каким же было гипнотический гипнозапор, а также кто его запихнул. Если взять эту версию за основу, полагаю, можно допустить, что предполагаемая гипнотическая команда могла содержать и предписание немедленно стереть все воспоминания с последних трех недель с момента внушения... но когда же это произошло? И кто за этим стоит? И как я на самом деле провел эти три недели, если никто в Манчестере или колледже Ансельма меня не встречал и не знал, где я был?

Полагаю, самый логичный кандидат на место злопамеренного гипнозера, - м-р Джентинкс, странный малый, подозвавший меня из Бедфорда в Манчестер и сыгравший заметную роль в жутком комиссаре, пережитом мною по возвращении в дом м-с Мэйси у Водспадов Гоффа. Не знаю, спирит ли меня в его машине или нет... или это тоже было частью запутанного сна... но решительно можно сказать одно - именно в пути к колледжу Ансельма я стал замечать странности: хлесткая лихень, как в грозу, а деревья вдоль дороги как будто уже меняли цвет, готовясь к осени. Затем, по прибытии в колледж Ансельма, было солнечно, деревья зеленели, нигде не было ни лужиц, а старец Рейс сказал, что дождь не шел уже несколько недель. Если взглянуть на события через новую призму, пожале, именно м-р Джентинкс ввел меня в какой-то транс, как только я сел в его автомобиль, и заставил въобразить грозу и пожелтевшие деревья. Тогда же, видимо, он мог внушить и гипнотическую команду, чтобы я... что? Возможно, чтобы я провел три недели дома у миссис Мэйси, а потом забыл обо всем? Звучит это весьма и весьма маловероятно, но, если подумать, когда я выбрался из жуткого дома м-с Мэйси в ночь

многослойных комаров и укрылся у д-ра Норма, - и это вполне могло уже быть 9 сентября, а не 18 августа, - первыми делами я увидел именно «Бьюик» м-ра Дженкинса. И разве он сам не облизнулся, когда вез меня в колледж Ансельма, что живет с матерью далеко на юге от Манчестера, на самой границе Нью-Гэмпшира и Массачусетса? Тогда я пропустил это мимо ушей, но сейчас, оглядываясь назад, вижу, что он мог говорить и с Водспадом Гарфра... хотя это бы значило, что и с Мэйси - матерью м-ра Дженкинса, а вне непривычного сна с м-ром Дженкинсом в здании гигантской сосудистой крысы трудно представить, что это возможно, если только м-с Мэйси не много старше, чем кажется. Впрочем, им небеззатрудно иметь родственную связь для какого-нибудь пригудливого партнерства в плане по введению меня в гипноз, пусть видели они даже отдаленно не напоминали аристократических спесивых сибов, которые, как мне начинает казаться, входят в *Stella Sapiente*.

Я только что заметил серьезный изъян в упомянутой хипотезе: все же м-р Дженкинс предложил мне переночевать у Водспадов Гарфра. Это сразу Рейс сказал, что там найдутся свободные места, буде центр Манчестера переполнится из-за эживленного августа, это д-р Норт направил меня к Водспадам, и эта юная и кое-кто совершенно другой обаяния в подробностях, как туда добралась, и даже предложил в качестве лучшей резиденции дом м-с Мэйси. Может быть, я и пережил сильнейший приступ душевного расстройства, но даже я не настолько бедуин, чтобы подозревать всех этих людей в каком-то злонамеренном сговоре с умолями свести меня с ума. С другой стороны... и это тревожная мысль... как можно быть уверенным, что воспоминания о пути до дома м-с Мэйси точны, а не очередные ложные хипнотические образы, привитые в какой-то момент в прошлом? Погадать, можно вычеркнуть из списка потенциальных галлюцинаций встречи с отцом Рейса и Гектором Нортом, поскольку отец Рейс, очевидно, помнил мой предыдущий визит, а с Нортом я не мог не встретиться, иначе бы не знал его адреса на Орандж-стрит, по которому устремился в ту запомнившуюся ночь. А значит, остается только

Нет. Нет, если я хочу добиться какой-то пологоти от этой интроспекции, то, как бы мне этого ни хотелось и на что бы я ни пошел, лишь бы избежать этой темы, мне придется вспомнить Элспет. Элспет Уэйд. Да. Всю ее историю. Если я действительно встретил ее и если Элспет Уэйд вообще существует, если она не погибла какого-то болезненного гипнотического сна. Но она должна существовать, ведь с ней и ее семье слышали и д-р Венчейдж, и адвокат Рейс. Как раз Рейс назвал ее фамилию, а Венчейдж сказал, что ее покойный муж, Эдгар Уэйд, был выдающимся лорном *Stella Sapientia*. Значит, если я предполагаю, что м-р Джентрикс и м-с Майси связаны со *Stella Sapientia* и оба злоумышляли против меня, то что мне думают об Элспет Уэйд? Хотелось бы верить, что существует настоящая Элспет Уэйд, не похожая на девочку, что я повстречал, — ведь я не ошибся в Рейсе или Венчейджу и никто из них не видел меня с ней, — но сам факт ее семейной связи с зрадой, фигурирующей в моем расследовании, является достаточным основанием предполагать, что она состоит в заговоре. Именно Элспет направила меня к дому м-с Майси и предложила там переночевать; именно Элспет навестила дом д-ра Норма утром, во всей видимости, 10 сентября, и доставила новости, которые побудили Норма с его капитаном м-ром Монтигью собрать вещи и покинуть город. Именно Элспет

Дело в том, что после того, как Генри Венчейдж показал мне библиотеку и описал их новости, что я упустил из жизни три недели, а потом проводил и поссорил здравого смысла, яглянулся и ~~увидел~~ Элспет увидел ту, кого принимал за Элспет Уэйд. Бесполезно. Я никак не могу смириться, что в дальнейших событиях, даже воображаемых, участвовала настоящая привадушливая девочка, пусть хоть сама добра Венчейчула. Так или иначе... если я правильно толкую то, что мне рассказал Ронни, все, что произошло вслед за произошествием с д-ром Венчейджем, было каким-то управляемым сном, вызванным, должно быть, тем-то в «Книге Хали»... ведь дальше я представил, что пошел к ней здешний на Орандж-стрит, недалеко от жилья, которое вспомнил покинутый Норм и Монтигью. Я тогда с кем-то туда шел, потому что по пути купил новое

пальто на замену тому, что оставил посреди ноги
дома у м-с Майси, и сейчас ввожу вижу его на крючке
на двери гостевой комнаты Ронни Питтиана, где пишу
эти строчки. Когда я был ~~у Элспет~~ у человека, которого
принимал за Элспет, ~~кажется~~ меня застиг странной
запахинаторной эпизод, во время которого я видел
то, чего никак не могло быть на самом деле, то, что
забрало меня в беспамять через прозивной дождь,
разразившийся на улице.

Впрочем, это тоже вопрос: было ли ливень на самом
деле — или это лишь часть первого срыва? Принимая
во внимание, что мое новое пальто до сих пор влагло
от дождя спустя пять-шесть дней, придется неизбежно
признать, что он реален, хотя трудно поверить
в совпадение ненастия в день, когда я панике покинул
Манчестер, с такой же непогодой в запахинации,
когда я только прибывал в Манчестер. Однако пусть
недеса вправду разразились дождем: то, что я видел
дающие — или думал что видел, — решительно было
частью какой-то мифорадгной запахинации
или морока. На них мне показалось, что мне навстречу
едет «Бютик Родстер» м-ра Дженткинса с ним за рулем,
а когда машина минула меня, кровь заливалася в жилах:
мне показалось, что я видел взгляде м-ра Дженткинса
на пассажирском сиденье сидя самого, отчетливо
и явственно, в старом серо-сизом пальто и с самими
что ни на есть беззадатными видами.

В этом них меня забудет... не знаю. Ощущение,
внегатление — такая шокирующая уверенность,
что ее невозможно назвать просто страхом. Казалось,
словно в ту же минуту бесповоротно погибли все моя
жизнь, все мое существо, вся вселенная, разорвались,
словно хлопковые нити, все основы рассуждка, причин
и следствий в мире, обнажив ревущую бездумную метель
миллиона бесследных фактов, составлявших человеческое
бытие, бессмысленный шум и хаос, что вечно кипят
под всеми нашими отчаянными попытками выстроить
какой-то вразумительный и здравый нарратив. К ужасу
своему я увидел Манчестер в самом сердце помутившего
и тающего разума; великое смятие непостижимых сил,
компара за компары, пока город не переполнился
страхами — тугой черной бутон анабели и отчуждения.
Еще на меня снизилось понимание, что мои, хрупкие

человеческие существа, не лишающие рассудка как бы случайно: мы выпускаем его сознание, позволяя им ускользнуть между пальцев в урагане бытия, когда не можем вынести взваленного на него бремени. И я по-прежнему отказываюсь говорить об Эсплем, да?

Кажется, когда я чесал через беспощадный ливень прошлого из Манчестера, я едва ли был человеком — от всей моей личности осталась только отгавившийся примитивной инстинктом самосохранение. Не знаю, сколько я бежал, и воспоминания мои об этом периоде смазаны и ненадежны — проблемы реальности среди комаров наяву и бреда. Например, кажется, что меня подвела добродушная пожилая чета в пикапе, увидев меня бегущим под дождем и пожалев. Хотя, полагают, они сда с облегчением избавились от попутчика с волнистыми глазами и нескончаемыми гепетами у близкой автобусной остановки с маршрутом до Бостона. О самом автобусе я помню еще меньше. Кажется, я погрузился в тревожный сон, во время которого наверняка шумел и беспокоил пассажиров, хотя об этом я сужу только по сильной неприязни, которую выказал ко мне водитель, когда расстрелял и ссадил из автобуса по прибытии в Бостон. Для меня — неприменимого, куда попал, с туманом в голове, поглощенного попытками задать прорывавшийся в памяти ужас, — первый взгляд на Бостон оказался таким невероятным и сокрушительным, что он только подорвал мое сознание.

Когда я наконец поневоле поверил своим глазам, сперва решил, что весь мир стал продолжением моего личного бедствия. В том мире показалось, словно все, что случилось со мной в Манчестере, было лишь частным проявлением массового первого срыва, светопреставления, нагрянувшего сразу повсюду. Вокруг меня предстали картины кисти Иеронима Босха. Жен насиживали на глазах у мужей. Плачущими и умиляющими мужьями липали руки на глазах у жен. Всюду крики и яростные вопли, и выстрелы, и перепуганные кони, и звон стекла. Из черного ночных неба словно лился дождь из кирпичей. А лица в отблесках адского пламени, зловещего телеги и тралива, принадлежали либо демонам, либо проклятым. Я видел устрашенных солдат с прищуренными щелками, вскрикивавших приказы детскими, еще ненадгребущими голосами, — абсурдно, но в это

время меня посетила мысль, что завтра же четверг, рано с утра нужно в школу. Кажется, в какой-то момент я расхохотался, но быстро здрял смех, потому что испугался его неуместности. Я вполне серьезно рассуждал, что не хочу смеяться, когда меня хватят по голове кирпичом или насадят на штык шестнадцатилетний мальчика. Впрочем, никто как будто не замечал, как я бреду, зневин и спиропев, среди ряущихся в переулках дурдома кукек когтедев, ревущих, склокущих гендересства. Я чувствовал себя зрителем на первом ряду какой-то ужасной театральной постановки.

В конце концов я оказался в эпицентре хаоса и насилия — позже я узнал, что это площадь Склей, — и просто замер перед разоренным баром, взирая на бушующее вокруг змерзшее разрушение, пока внутри в единогество среди обломков сидел усталый полицейский, поставивший без заметного успеха допрос до беспомощия. Я обратился к нему с горячей тирадой, и Бог знает, что я наворотил или выпалил в своем бредовом и отрещенном состоянии, но он отнесся ко мне очень спокойно и вообще отшатнулся манерами, словно говорившими, что все это ему насквозь знакомо. Очевидно, я сумел донести, что надеюсь найти дом Рональда Питтиана на Хенгман-стрит, 21, после чего безраздостный коп вскакал (наверняка верное) мнение, что в единицу мне никогда туда не добратиться, и предложил меня сопроводить.

Возможно, под воздействием последствий гипноза — или что там со мной приключилось в Манчестере, — дальнейшая прогулка по визжающим, кровоточащим и раскаленным улицам Бостона вкупе с беседой на ходу казалась отрывком из сна. Не знаю, причиной ли тому аура пегального авторитета офицера или моя расхристанная внешность, но нас никто не тронул на пути через толпы комбатантов, постепенно редеющих ближе к лабиринту боковых углек на склонах. Полицейский — припомнить, он назывался О'Брайеном, — ничего рассказал мне о происходящем. Насколько я помню, он с коллегами работал в невоинственных условиях за грани без прибавок с самого конца прошлого века. Они поздавали величие и разумные прощения с повышением зарплаты, но, пожалуй, губернатор

Бостона, некий мистер Кугидж, воспользовавшись красной угрозой и решив накопить политический капитал, отвергнув их предложение и вынудив пойти на задастовку. Таким образом он мог ее жестоко подавить и прославить героя, поддавшими багажников, а не эгоистичным хариком, который вверг собственный город в настоящий ад и лишил трудолюбивых американских писменов работы, только чтобы заслужить пару добрых слов от Вудро «Я спас нас от войны» Вильсона.

Наконец мы добрались до дома Рональда Пимана в субботицами Норт-Энде. Дверь открыл Пиман — распахающий к себе, холм и серьезный, почти угрюмый представитель богемы с нетрепливым и вдумчивым поведением, — и спросил ему условие, что я знаком с семействами Читти и Уэйдов, эти тут же согласились меня принять и представить началь. Я был настолько зряч изможден, что он заморозил меня наверх прежде, чем я успел попрощаться с офицером О'Брайеном и должностными образами отблагодарить его за то, что представил мне путь на пути через непредсказуемое бостонское поле брани до порога Пимана. Ну что ж, похоже, я еще наткнулся на него перед отъездом из Бостона. Очень на это надеюсь. Он искренний, добродушный, простодушный рабочего, лугащийся мудростью и универсальностью. Все время в его компании я чувствовал себя в безопасности и даже уютно.

Нужно сказать пару слов и о Ронни Пимане, тоже чем-то напоминающем доброго старшего брата — если, конечно, я не преувеличу снова собственные эмоциональные потребности на другого человека. Но Ронни — главное, что меня в нем впечатляет, так это что он настоящий творческий человек, который достойно зарабатывает на жизнь благодаря живописи и фотографии. То есть он действительно занимается ими каждый день. К такому же положению стремлюсь и я — возможно, когда допишу роман, — и живой пример человека в лице Ронни, воплотившего эту мечту в реальность, возбуждает и позволяет поверить, что однажды я действительно смогу чем-то добиться, если решительно сяду и проявлю к работе то же усердное рвение, что и Ронни. Очень добродушный человек, нетрепливый и вдумчивый — так и видишь, как он аккуратно взвешивает каждое слово, пока то алируится, то разглядывается его лицо.

Что до его работ - хотя я ни в коем случае не эксперт, фотографии кажутся мне очень хорошими и эмоциональными. Он умеет придать жизнь и чувство своим субъектам. Всё даже на снимке, который я видел в Амстердаме, где Уильям Ритчи лежит на диване, он смог запечатлеть уродливого от рождения и воинственного настороженного маленького человека счастливым и радостным, словно в разгар веселья. Одно это для меня уже утверждает в моих глазах истинное дарование Ритти к портретным фотографиям. Если же говорить о живописи - что ж, возможно, я и тут позволю своим приязни и благодарности скрасить мнение, но мне они кажутся великолепными и оригинальными. Он работает в самых разных стилях - похоже, ему доставляет особое удовольствие экспериментировать с небольшими техниками, - и кажется мастером своего дела, но в тех немногих картинах, что я видел в доме Ритти во время своего посещения, больше всего задевают уникальные видение и тема. Образы поистине экстравагантные, ничего подобного я еще не встречал даже в самых потусторонних иллюстрациях Бердсле или Сидни Сайма. Большинство картин изображают подземные сцены - предполагают, это его метафора для погребенных, скрытых и подавленных областей человеческого разума и общества. Все изображенные сцены гротескные и ужасающие, в духе многих работ Гейса, пока не начинаясь задумываются, что же эти пытаются сказать при помощи макабрического символизма. В некоторых венцах присутствует еще и довольно кладбищенское чувство юмора, которое отчего-то снижает степень их отвратительности.

Самые пугающие и в то же время завораживающие элементы в творчестве Риттиана представлены в виде фигур, которые переходят из картины в картину. Это недоговорческие существа, полуподи-полуживые. Они встречаются в самых разных размерах, и, хотя большинство этих примечательных и диких существ приближительно человеческих пропорций, некоторые кажутся значительно меньше - скорее как отвратительные крысы-переростки, - а некоторые достигают колоссальных размеров - великаны от шести до десяти метров ростом. Обычно увлеченные зверищами занятиями, они символизируют наши самые темные и подавленные позывы - то, что профессор Фрейд называет

«Ид», — они, полагают, и объясняется их небольшая разница в росте. Ведь в конце концов некоторые желания почти незаслужены, тогда как другие заслуженно ограничены. Странное дело: во всех сценах низменных и плюсневых мерзостей эти страшные подземные твари излучают заразительное задумчивое веселье. Они так беззадомно наслаждаются жизнью, что я лежал седя на уходке или даже спешке при виде самых отвратительных образов, которые только можно представить. Полагают, это лишь очередное доказательство в пользу теории о том, что Ронни стремится писать черную политическую или социальную сатиру, говорят с серьезных видов в жанре иронической комедии и гротеска, как Гилрей и Хогарт в прошлом столетии. Я уверен, что скажут, как он здорово название этих комичных и ужасных существ — кажется, начинается на «сан», если или мысли не занимает спектакль *Stella Sapiente*.

Этот орден, между прочим, стал очередным поводом для Ронни подать мне руку помощи. За время общения с ними за прошедшие годы (сказывается, они доверяют его мнению, хотя и презирают за низкое происхождение) он смог собрать немало полезной информации об их философии и техниках. То, что он рассказал, помогло улечься моему волнению из-за дел в Манчестере, которые, если верить Ронни, просто в очередной раз подтверждают, что *Stella Sapiente* владели и использовали на мне какую-то химическую технику искалечения восприятия, заставив забыть о том, что я делал в пропавшие недели, и поверить в то, что я не делал, — по крайней мере, так я интерпретирую его слова.

Бесполезно. Я по-прежнему не могу найти сил заговорить с главами, что тревожит мои мысли. Быть может, со временем это забудется сама собой, а может, найдется какой-то другой подход к проблеме, стоит хорошенько высказать в компании Ронни. Время покажет.

17 сентября

Но это мне повезло поймать, как мне кажется, действительную хорошую идею — для истории. Что, если кто-то мог бы сильно поменяться с другим человеком разумом? Поз этом я имею в виду, что он мог бы

захватить чужое тело, тогда как извлеченный разум жертвы оказался бы заключен в свободившейся оболочке колдуна. Я не спроста говорю «колдун» — полагаю, в истории это можно осуществить только с помощью пугающего магического ритуала. Позже им, что человек, владеющий этим трюком перевещения разумов, живет испокон веков. Допустим, когда его собственные тела — тела, в которых он родился, — естественным образом достигают конца жизни, он мог обмениваться разумами и телами с более молодым и здоровым телом, заменив изнаночного хозяина в собственную умирающую плоть. Тем самым наш гудвишний и коварный гардем может выживать поколениями, даже веками, перескакивая из одного тела в другое. Конечно, этот похищитель личностей нисколько не ограничен в выборе тел. Так же легко, как надеть новое платье, он мог бы облагаться в теле совершенного другого возраста, или расы, или даже пола. Исключительно в контексте нашей истории допустим, что по случаю наш ментальный паразит или кукрика обитает в теле юной девушки. И потом — возможно, не знаю, затем, что этот комар предполагает вернуться в мужское тело, — в своей женской обличье он захватывает молодого человека, завладевает его мужской оболочкой, а его самого помещает в чистое и беспомощное женское телоще. Уверен, что можно не продолжать, ведь любой нормальный человек легко догадается, какие отвратительные жестокости и извращения последуют после этого злодейского обмена. В конце рассказа, думаю, важно, чтобы это... нет... наконец погибло в наказание за все похищенные или загубленные жизни. Возможно, какой-нибудь друг узурпированного молодого человека каким-нибудь образом догадается, что произошло, и затем, в акте понятного негодования и возмездия, выследит гудвиша, которое носит тело пропавшего друга, и убьет его, покончив с этой поганью раз и навсегда, будем всаживать пуль в гнилые сердце ираци, прежде чем ей выпадет очередной шанс обмануть судьбу, которой она бежала столько десятилетий за счет жизней других!

Вот. Не знаю, хорошая эта идея или нет, но мне стало куда лучше после того, как я ее записал.

20 сентября

Надо сказать, эта суббота выдалась самой насыщенной за последнее время. Сперва здесню, что сейчас довольно поздно, и я вернулся к дневнику в довольно спокойном измере бостонского отеля «Вандам», куда заселился час или два назад, запоздав заметив, с каким беспомощством полагалось милосердной матери Ронни Питмана. Дело сразу задалось, когда Ронни повел меня на прогулку по Норт-Энду, рассказывая о сущности катаклизм под районом, где эти основатели якобы занимали Американскую революцию. Как бы это ни было занимательно, события привели весьма небольшой и познавательный обзором, когда мы вернулись обратно к Ронни. Ронни показывал мне свои картины — и я, кажется, впечатлил его, различив в них политический посыл, — а дальше рассказывал больше о гипнотических техниках Stella Sapiente. Насколько я понял, гипнотический катализатор каким-то образом активируется, когда попросту спускаешься под землю: согласно теории Stella Sapiente, наш мир снов буквально погружен внизу, что напоминает и схожих мыслях профессора Юнга по этому поводу. Так или иначе, Ронни рассказал мне, что основные принципы этой техники, примененные во благо, сильно помогли ему при занятии многих пугающих и изумительных картин, и более того — предложил продемонстрировать мне действие метода. Он сказал, что это поможет мне понять происходящее, и попал в точку.

Сперва благородно надбросив на меня свое тяжелое пальто, он повел меня в ближний подвал (а также, пожалуй, в мое подсознание), здесня, что я могу поговорить с пограничными компонентами собственной личности, словно они отдельные существа, которые находятся со мной в этой комнате. Разумеется, я был заинтригован, а он, венев мне не повергиваться к нему лицом — предположительно, эквивалент просыпь боязного гипнотизера закрыть глаза, — приступил к гипнотической демонстрации, вызвав, как я понял, возбуждение моего скрытого «Я», — ту же часть человеческой психики, которую выражали искренние, развеселые пожиратели человеческой плоти с картин Питмана.

Опыт оказался совершенно экстраординарным и попросту шокирующим. Не удивлюсь, если Ронни приукрасил гипнозы сеансом греввивидации, и эффект поражал. Несколько минут казалось, что рядом со мной в паре футов сидел огромный подземный демон и терпеливо отвечал на мои вопросы, при этом добровольная весьма реалистичные вставки греввивидации Ронни Пиммана, которые, как я понимаю, добавляли некую долю убедительности в иллюзию. Впрочем, это было избыточными, так хороши гипнотический транс передавал даже тоинкетворную трупную вонь незримого существа. Подхвативший гулким голосом зритателя самых недр моего сознания представился мне «Королем Георгом» — полагаю, в наименее выразительном дурацком чувства собственного превосходства, в которое мне свойственно впадать.

Казалось, мы проговорили целую вечность с множеством, подозревая, глубоко символических тем, и тут произошло нечто греввивидное: существа — часть моего собственного подсознания — сказало, что тревожится за меня! Не сомневаясь, что из-за самоналоженных поисков, через которые я прохожу с самой утраты Пимман, но все равно это было отрезвляющее открытие. Через какое-то время Ронни завершил транс и символически увел «Короля Георга» обратно в глубокие закоулки моих разума и личности, — думают, этот прием сравним с тем, как гипнотизер отстригивает от десяти, чтобы пробудить подспоитного после демонстрации. Затем он сопроводил меня обратно наверх, где признался, что даже после такого поразительного опыта считаю, будто мне нужна помощь того, кто «умеет изъясняться», например другого писателя, чтобы поставил все точки над i в этой непростой теме. Не знаю, чисты ли были его намерения или просто я уже начинал злоупотреблять гостеприимством, но я тем не менее решил последовать совету и, отблагодарив и простившись с ним, отправился к местному автору, адрес которого дал Ронни.

Он привел меня на 58-ю Эф-стрит, почти на другом конце Бостона, где я кратко познакомился с вышеуказанным автором — м-ром Рэндаллом Карвером. Очевидно застигнутый врасплох незваным вторжением, м-р Карвер поглядел ко мне думой, когда понял, что мои литературные устремления серьезны, и предложил

посетить его на утро следующего понедельника, то есть 22-го, чтобы подробно обсудить интересующие меня темы. Он был так добр, что даже рекомендовал мне «Вандам», чтобы переночевать в относительном комфорте, пусть это и значило продолжительную и изнуряющую прогулку в обратном направлении. Оказывается, наравне с литературой Кафвер является каким-то экспертом в теме сновидений и состояний сна, так что я с нетерпением ожидаю нашей встречи.

Знаете, пусть прошло немало времени, но мне стало легче на душе. Легче из-за иллюзорного манчестерского коммара, и в целом стало лучше психологическое состояние. Возможна после сопутствия со стороны воображаемого ужаса, погребенного в глубоких снах, я наконец научился смиряться с теми, что случились с Лили. Кто знает, вдруг меня наконец ждет что-то хорошее? После стольких потрясений это бы вовсе не помешало. Тифу-тифу-тифу.

«Модель Пикмана» описывает
бостонский Норт-Энд таким,
каким он был несколько лет назад,
хотя многие из старых
переплетенных улочек уже могла
смыть волна перемен – и на месте
древних домов возведут склады».

В письме Дуэйну Римелю,
14 февраля 1934